

Агата Кристи

Убийство Роджера Экройда

1. Доктор Шеппард завтракает

Миссис Феррар умерла в ночь на четверг. За мной прислали в пятницу, семнадцатого сентября, в 8 часов утра. Помощь опоздала – она умерла за несколько часов до моего прихода.

Я вернулся домой в начале десятого и, открыв дверь своим ключом, нарочно замешкался в прихожей, вешая шляпу и плащ, которые я предусмотрительно надел, ибо в это раннее осеннее утро было прохладно. Откровенно говоря, я был порядком взволнован и расстроен, и, хотя вовсе не предвидел событий последующих недель, однако тревожное предчувствие надвигающейся беды охватило меня. Слева из столовой донесся звон чайной посуды, сухое покашливание и голос моей сестры Каролины:

– Джеймс, это ты?

Вопрос был явно неуместен: кто бы это мог быть, если не я? Откровенно говоря, в прихожей я замешкался именно из-за моей сестры Каролины. Согласно мистеру Киплингу, девиз семейства мангуст гласит: «Пойди и узнай». Если Каролина решит завести себе герб, я посоветую ей заимствовать девиз у мангуст. Первое слово можно будет и опустить: Каролина умеет узнавать все, не выходя из дома. Не знаю, как ей это удастся. Подозреваю, что ее разведка вербует из наших слуг и поставщиков. Если же она выходит из дома, то не с целью получения информации, а с целью ее распространения. В этом она тоже крупный специалист.

Поэтому я и задержался в прихожей: что бы я ни сказал Каролине о кончине миссис Феррар, это неизбежно станет известно всей деревне в ближайшие полчаса. Как врач, я обязан соблюдать тайну и давно уже приобрел привычку скрывать от сестры, что бы ни случилось, если только эта в моих силах. Однако это не мешает ей быть в курсе всего, но моя совесть чиста – я тут ни при чем.

Муж миссис Феррар умер ровно год назад, и Каролина упорно утверждает

– без малейших к тому оснований, – что он был отравлен своей женой. Она презрительно пропускает мимо ушей мое неизменное возражение, что умер он от острого гастрита, чему способствовало неумеренное употребление алкоголя. Между симптомами гастрита и отравлением мышьяком есть некоторое сходство, и я готов это признать, но Каролина обосновывает свое обвинение совсем иначе. «Вы только на нее посмотрите!» – говорит она.

Миссис Феррар была женщина весьма привлекательная, хотя и не первой молодости, а ее платья, даже и совсем простые, превосходно сидели на ней. Но ведь сотни женщин покупают свои туалеты в Париже и не обязательно при этом должны приканчивать своих мужей.

Пока я стоял так и размышлял, в прихожую снова донесся голос Каролины. Теперь в нем слышались резкие ноты:

– Что ты там делаешь, Джеймс? Почему не идешь завтракать?

– Иду, дорогая, – поспешно отвечал я.

– Вешаю пальто.

– За это время ты мог бы повесить их десяток.

Что верно, то верно, она была совершенно права. Войдя в столовую, я чмокнул Каролину в щеку и сел к столу.

– У тебя был ранний вызов, – заметила Каролина.

– Да, – оказал я. – «Королевская лужайка». Миссис Феррар.

– Я знаю, – сказала моя сестра.

– Откуда?

– Мне сказала Энни.

Энни – наша горничная. Милая девушка, но неизлечимая болтуня.

Мы замолчали. Я ел яичницу. Каролина слегка наморщила свой длинный нос, кончик его задергался: так бывает у нее всегда, если что-нибудь

взволнует или заинтересует ее.

– Ну? – не выдержала она.

– Скверно. Меня поздно позвали. Вероятно она умерла во сне.

– Знаю, – снова сказала сестра. Тут уж я рассердился:

– Ты не можешь этого знать. Я узнал об этом только там и ни с кем еще не говорил. Может быть, твоя Энни – ясновидящая?

– Я узнала это не от Энни, а от молочника. А он – от кухарки миссис Феррар.

Как я уже сказал, Каролине не требуется выходить из дома, чтобы быть в курсе всех событий. Она может не двигаться с места – новости сами прилетят к ней.

– Так отчего же она умерла? Разрыв сердца?

– Разве молочник тебе не сообщил? – саркастически осведомился я. Но Каролина не понимает сарказма.

– Он не знает, – серьезно объяснила она.

Я решил, что поскольку Каролина так или иначе все равно скоро все узнает, то почему бы не сказать ей?

– Она умерла от слишком большой дозы веронала. Последнее время у нее была бессонница. Видимо, она была неосторожна.

– Чушь, – сказала Каролина. – Она сделала это сознательно.

Странно, что когда вы втайне что-то подозреваете, то стоит кому-нибудь высказать подобное же предположение вслух, как вам непременно захочется его опровергнуть. Я негодуяще возразил:

– Вот опять ты не даешь себе труда поразмыслить! С какой стати миссис Феррар кончат жизнь самоубийством? Вдова, еще молодая, богатая, превосходное здоровье. Нелепость!

– Вовсе нет. Даже ты должен был заметить, как она изменилась за последние полгода. Комок нервов. И ты сам только что признал, что у нее была бессонница.

– Каков же твой диагноз? – холодно спросил я.

– Несчастливая любовь, я полагаю?

Моя сестра покачала головой.

– Угрызения совести, – изрекла она со вкусом.

– Ты же не верил мне, что она отравила своего мужа. А я теперь совершенно в этом убеждена.

– По-моему, ты нелогична. Уж если женщина пойдет на убийство, у нее хватит хладнокровия воспользоваться его плодами, не впадая в такую сентиментальность, как раскаяние.

– Может, и есть такие женщины, – покачала головой Каролина, – но не миссис Феррар. Это были сплошные нервы. Она не умела страдать и захотела освободиться. Любой ценой. Мучилась оттого, что сотворила. Мне очень жаль ее.

Не думаю, чтобы Каролина испытывала сострадание к миссис Феррар, пока та была жива. Но теперь, когда та уже не могла больше носить парижские платья, Каролина была готова пожалеть ее. Я твердо заявил Каролине, что она несет вздор. Я был тем более тверд, что в душе отчасти соглашался с нею. Однако не годится, чтобы Каролина узнавала истину каким-то вдохновением свыше. Ведь она не замедлит поделиться своим открытием со всей деревней, и все подумают, что оно основано на моем медицинском заключении. Жизнь порой бывает очень нелегка.

– Вздор, – ответила Каролина на мои возражения.

– Вот увидишь, она оставила письмо, в котором признается во всем.

– Она не оставляла никаких писем, – ответил я резко, не сознавая, к чему приведут мои слова.

– А, – сказала Каролина, – значит, ты об этом справлялся? В глубине сердца, Джеймс, ты со мной согласен! Ах ты, мой милый старый притворщик!

– В подобных случаях необходимо рассмотреть и возможность самоубийства, – возразил я.

– Будет следствие?

– Может быть. Но если я смогу с полной ответственностью заявить, что это – несчастный случай, вероятно, следствия не будет.

– А ты можешь? – спросила Каролина проницательно.

Вместо ответа я встал из-за стола.

2. Кингз-Эббот

Прежде чем рассказывать дальше, следует, пожалуй, дать представление о нашей, так сказать, местной географии. Наша деревня Кингз-Эббот – самая обыкновенная деревня. Наш город – Кранчестер – расположен в девяти милях. У нас большая железнодорожная станция, маленькая почта и два конкурирующих универсальных магазина. Способные люди покидают деревню в пору юности, но зато у нас изобилие незамужних дам и офицеров в отставке. Наши увлечения и развлечения можно охарактеризовать одним словом – сплетни.

В Кингз-Эббот есть только два богатых дома. Один – «Королевская лужайка» – унаследован миссис Феррар от ее покойного мужа. Другой – «Папоротники» – принадлежит Роджеру Экройду. Экройд всегда интересовал меня как законченный с виду экземпляр деревенского сквайра. Он похож на одного из тех румяных, спортивного склада джентльменов, которые непременно появляются на фоне зеленого лужка в первом действии старомодных музыкальных комедий и поют песенку о том, что собираются поехать в Лондон. Теперь на смену музыкальным комедиям пришли ревю, и деревенские сквайры вышли из моды. Впрочем, Экройд, разумеется, вовсе не деревенский сквайр, а весьма преуспевающий фабрикант вагонных колес. Ему пятьдесят лет, он краснолиц и добродушен. Большой друг священника, щедро жертвует на приход (хотя в домашней жизни чрезвычайно скуп), шефствует над крикетными матчами, юношескими клубами, короче говоря – он душа нашей мирной деревни Кингз-Эббот.

Когда Роджеру Экройду шел двадцать второй год, он влюбился в красивую женщину, по фамилии Пейтен, лет на пять-шесть старше его, и женился на ней. Она была вдовой с ребенком. История этого брака коротка и печальна. Миссис Экройд оказалась алкоголичкой, и через четыре года после брака алкоголь свел ее в могилу.

Вторично Экройд не женился. Когда миссис Экройд умерла, ее сыну было семь лет. Теперь ему двадцать пять. Экройд всегда относился к нему как к

родному сыну, но тот – юноша легкомысленный и причиняет немало беспокойства своему отчиму. Тем не менее мы все в Кингз-Эббот очень любим Ральфа Пейтена, хотя бы уж за одно то, что он так красив.

Как я уже говорил, в нашей деревне любят посплетничать. Все скоро заметили, что между Экройдом и миссис Феррар существует симпатия, которая стала особенно бросаться в глаза после смерти ее мужа, и все были убеждены, что по окончании траура миссис Феррар станет миссис Роджер Экройд, и находили это справедливым: жена Роджера Экройда умерла от запоя, а Эшли Феррар был известным пьяницей.

Феррары поселились у нас года полтора тому назад. Но Экройд жил в ореоле сплетен в течение уже многих лет. Каждая экономка в поместье Экройда (а они сменялись часто) вызывала живейшее подозрение у Каролины и ее приятельниц. В течение пятнадцати лет деревня ждала, что Экройд женится на одной из своих экономок. Последняя из них, мисс Рассэл, царила в течение пяти лет и если бы не появление миссис Феррар, Экройд вряд ли избежал бы своей судьбы. Правда, надо иметь в виду еще один фактор: приезд из Канады овдовевшей невестки с дочерью. Миссис Экройд, вдова Сесила, беспутного младшего брата Экройда, поселилась в «Папоротниках» и по словам Каролины, поставила мисс Рассэл на место.

Не знаю, что означает «на место», но знаю, что мисс Рассэл ходит теперь с поджатыми губами и выражает глубокое сочувствие «бедняжке миссис Экройд», живущей из милости у своего зятя: «Хлеб благоденствий горек, не так ли? Я была бы в полном отчаянии, если бы не могла сама зарабатывать себе на жизнь». Не знаю, какие чувства испытывала миссис Сесил Экройд к миссис Феррар. Брак Экройда явно противоречил ее интересам. При встречах с миссис Феррар она была всегда очень мила, чтобы не сказать – слащава. По словам Каролины, это еще ничего не доказывало.

Вот что занимало умы у нас в Кингз-Эббот последние годы. Мы обсуждали дела Экройда со всех мыслимых точек зрения. Разумеется, в этих рассуждениях занимала свое место и миссис Феррар.

Я совершил обход, думая обо всем этом и еще о многом другом. Тяжелобольных у меня, к счастью, не было, и мои мысли постоянно возвращались к загадке смерти миссис Феррар. Было ли это самоубийством? Но если так, она должна была бы составить какое-то

объяснение своего поступка. Насколько мне известно, так поступают женщины в подобных обстоятельствах. Они любят объяснять свои поступки. Им приятен свет рампы. Когда я видел ее в последний раз? Меньше недели назад. В ее поведении не было ничего странного, принимая во внимание... ну, принимая во внимание все.

Затем я вдруг вспомнил, что видел ее не далее как вчера, хотя и не говорил с ней. Она шла рядом с Ральфом Пейтеном, и я очень удивился, потому что не ожидал увидеть его в Кингз-Эббот. Я был уверен, что он окончательно рассорился с отчимом, – он не бывал здесь без малого шесть месяцев. Они шли рука об руку, и она что-то говорила ему взволнованно и хмуро. Я могу с уверенностью сказать, что именно в тот момент меня впервые охватило предчувствие беды. Да, в тот момент, хотя не было еще ничего определенного, лишь смутное предчувствие того, как все сложится в дальнейшем. Этот мрачный тет-а-тет между Ральфом Пейтеном и миссис Феррар произвел на меня гнетущее впечатление. Я все еще думал об этом, когда неожиданно столкнулся с Роджером Экройдом.

– Шеппард! – воскликнул он. – Вот вас-то мне и надо! Ужасное происшествие.

– Вы, значит, слышали?

Он кивнул. Было видно, что ему тяжело: его румяные щеки ввалились, и он, казалось, сразу постарел.

– Все гораздо хуже, чем вы думаете, – сказал он сдержанно. – Послушайте, Шеппард, мне нужно поговорить с вами. Вы свободны?

– К сожалению, нет. Я еще должен навестить всех пациентов, а в двенадцать у меня начнется прием.

– Ну, тогда днем... или лучше приходите вечером обедать. В полвосьмого. Это вас устроит?

– Да, вполне. Но в чем дело? Опять Ральф?

Не знаю, почему я сказал это, разве что очень уж часто причиной бывал Ральф. Экройд уставился на меня непонимающим взглядом. Я почувствовал: случилось что-то неладное. Мне еще не доводилось видеть

Экройда таким подавленным.

– Ральф? – сказал он растерянно. – Нет, дело не в Ральфе. Ральф в Лондоне... А, дьявол! Вон идет мисс Ганнет. Она начнет болтать об этом ужасном происшествии... Итак, до вечера, Шеппард. Жду вас в половине восьмого.

Я кивнул и озадаченно посмотрел ему вслед. Ральф в Лондоне? Но он же был здесь накануне. Значит, он уехал в тот же вечер или сегодня утром. Но Экройд говорил так, как будто Ральф и не появлялся в Кингз-Эббот. Дальше мне размышлять не пришлось. На меня накинулась мисс Ганнет, жаждавшая информации. Мисс Ганнет во многом напоминает мою сестру, но ей не хватает того безошибочного чутья, которое придает величие маневрам Каролины.

Мисс Ганнет задыхалась от волнения и любопытства. Бедняжка миссис Феррар! Какая жалость! Злые языки утверждают, что она была наркоманка. Как жестоки люди! Но весь ужас в том, что ведь дыма без огня не бывает... И говорят, что мистер Экройд узнал об этом и порвал их помолвку – помолвлены-то они были! Конечно, вам об этом все известно – вы ведь доктор! – но доктора всегда молчат. И все это – сверля меня глазами, стараясь ничего не упустить, стараясь что-то прочесть на моем лице. По счастью, жизнь в обществе Каролины научила меня сохранять невозмутимое спокойствие и давать ничего не значащие ответы.

Я выразил мисс Ганнет одобрение за ее отвращение к сплетням. Это была неплохая контратака. Пока почтенная мисс собиралась с мыслями, я пошел дальше, продолжая раздумывать.

Дома меня ожидало несколько пациентов. Когда последний из них ушел, я решил, что можно пойти поработать в саду перед ленчем, но в приемной оказалась еще одна пациентка.

Я был удивлен, не знаю почему, – вероятно потому, что мисс Рассэл, экономка Экройда, производит впечатление человека железного здоровья. Ее трудно представить себе больной. Это высокая, красивая женщина, только очень уж строгая у нее внешность. Суровый взгляд, крепко сжатые губы. Будь я горничной, – я бы старался скрыться при одном ее приближении.

– Доброе утро, доктор Шеппард, – сказала она. – Я хочу, чтобы вы взглянули на мое колено.

Я взглянул, но, по правде говоря, ничего не увидел. То, что мисс Рассэл сообщила мне о стреляющей боли, в устах любой другой женщины показалось бы выдумкой. На минуту мне пришло в голову, что она изобрела эту боль в колене, чтобы выведать у меня обстоятельства смерти миссис Феррар. Но вскоре я убедился, что, по крайней мере, в этом я ошибся. Мисс Рассэл лишь мимоходом упомянула об этой трагедии, однако она была склонна остаться и поболтать.

– Ну, благодарю вас за примочку, доктор, – сказала она наконец, – хотя и не верю, что от нее будет какая-нибудь польза.

Я тоже не верил, но, конечно запротестовал. Вреда примочка принести не могла, а зная своей профессии надо держать высоко.

– Не верю я в микстуры и порошки. – Мисс Рассэл кинула презрительный взгляд на мою аптечку. – Вред один! Кокаин, например.

– Ну, что касается этого...

– Этот порок очень распространен в светском обществе.

Безусловно, мисс Рассэл знает о светском обществе куда больше меня, и спорить с ней я не стал.

– Скажите мне, доктор, – начала мисс Рассэл, – вот если вы – раб этой дурной привычки, возможно ли излечение?

На такой вопрос коротко не ответишь. Я прочел ей небольшую лекцию, которую она выслушала со вниманием. Меня не оставляло подозрение, что ее интересует миссис Феррар.

– Или, например, веронал... – добавил я.

Но, как ни странно, веронал ее не интересовал. Она заговорила со мной о редких ядах, которые трудно выявить.

– А, – сказал я, – вы читаете детективные романы?

Этого она не отрицала.

– Главное в детективном романе, – сказал я, – это – раздобыть редкий яд, о котором никто отродясь не слыхал. Не эти ли яды вы имеете в виду?

– Да. А они вправду существуют? Но, конечно, есть кураре.

Я начал довольно пространно рассказывать ей о свойствах кураре, но она, казалось, снова потеряла к этому интерес. Потом спросила, есть ли у меня яды в моей аптечке, и когда я отрицательно покачал головой, то явно упал в ее глазах.

Она сказала, что ей пора домой, и я проводил ее до двери. Забавно было думать, что эта строгая мисс, отчитав судомойку, возвращается к себе в комнату и берется за какую-нибудь «Тайну седьмого трупа» или за что-либо еще в таком же роде.

3. Человек, который выращивал ТЫКВЫ

Я сообщил Каролине, что буду обедать в «Папоротниках».

– Чудесно. И все узнаешь. Кстати, что с Ральфом?

– С Ральфом? – удивленно спросил я. – Ничего.

– А почему же он остановился в «Трех кабанах», а не в «Папоротниках»?

– Экройд сказал мне, что Ральф в Лондоне.

От удивления я отступил от своего правила не говорить лишнего. Я ни на минуту не усомнился в точности сделанного мне сообщения. Раз Каролина говорит: Ральф остановился в гостинице – значит, так оно и есть.

– О! – произнесла Каролина, и я заметил, что кончик ее носа задрожал.

– Он приехал вчера утром, – добавила она, – и еще не уехал. Вчера вечером у него было свидание с девушкой.

Это меня не удивило. У Ральфа, насколько я мог судить, почти каждый вечер свидание с какой-нибудь девушкой. Но странно, что он выбрал для этого Кингз-Эббот, не довольствуясь веселой столицей.

– С одной из официанток? – спросил я.

– Нет. В этом-то все и дело. Он ушел на свидание, а с кем – неизвестно. (Горькое признание для Каролины.) Но я догадываюсь! – (Я терпеливо ждал.) Со своей кухней!

– С Флорой Экройд? – удивленно воскликнул я. Флора Экройд в действительности совсем не родственница Ральфу Пейтену, но мы привыкли считать его практически родным сыном Экройда, так что и их

воспринимаем как родственников.

– Но почему же, если он захотел увидаться с ней, то просто не пошел в «Папоротники»?

– Тайная помолвка, – объяснила Каролина с наслаждением. – Экройд и слышать об этом не хочет. Вот они и встречаются тайком.

Теория Каролины показалась мне маловероятной, но я не стал возражать. Мы заговорили о нашем новом соседе, который снял недавно коттедж, носивший название «Лиственница», соседний с нашим. К великой досаде Каролины, ей почти ничего не удалось узнать об этом господине, кроме того, что он иностранец, по фамилии Порротт, и любит выращивать тыквы. А Каролину интересует, откуда он, чем занимается, женат ли, какую фамилию носила в девичестве его мать, есть ли у него дети и тому подобное. Признаться, фамилия его звучит несколько странно. Питается он, как все люди, мясом и овощами, но ни один из поставщиков не мог ничего о нем сообщить. Словом, наша доморощенная разведка потерпела крах.

– Милая Каролина, – сказал я. – Его профессия очевидна. Парикмахер. Посмотри на его усы.

Каролина возразила, что в таком случае у него вились бы волосы, как у всех парикмахеров. Я перечислил ей всех известных мне парикмахеров с прямыми волосами, но ее это не убедило.

– Никак не могу разобрать, что он за человек, – огорченно сказала она. – Я попросила у него на днях лопату, и он был очень любезен, но я от него ничего не могла добиться. Я его прямо спросила, не француз ли он, а он сказал, что нет. И почему-то мне не захотелось его больше расспрашивать.

Я почувствовал большой интерес к нашему таинственному соседу: человек, который сумел заставить Каролину замолчать и отправил ее восвояси несолоно хлебавши, должен быть незаурядной личностью.

– У него, – мечтательно заметила Каролина, – есть пылесос новейшей конструкции...

Я прочел в ее взгляде предвкушение нового визита и дальнейших расспросов и поспешил спастись в сад. Я очень люблю возиться в саду. Я

был поглощен выпалыванием одуванчиков, когда услышал предостерегающий крик, и какое-то тяжелое тело, просвистев у меня над ухом, упало к моим ногам. Это была тыква.

Я сердито оглянулся. Слева над забором появилась голова. Яйцевидный череп, частично покрытый подозрительно темными волосами, гигантские усы, пара внимательных глаз. Наш таинственный сосед-мистер Порротт. Он рассыпался в извинениях:

– Тысячу раз прошу прощения, мсье. Мне нет оправдания. Несколько месяцев я выращивал тыквы. Сегодня вдруг эти тыквы взбесили меня. Я посылаю их – увы, не только мысленно, но и физически – куда-нибудь вдаль. Хватаю ту, что побольше. Бросаю через забор. Мсье, я пристыжен. Я прошу прощения.

Его извинения меня обескуражили. Тем более что проклятый овощ не попал в меня. Оставалось только пожелать, чтобы подобные упражнения нашего соседа не превратились в привычку, что вряд ли помогло бы укрепить нашу дружбу. Станный этот человек прочел, казалось, мои мысли.

– О нет, – вскричал он, – не страшитесь! Для меня это не привычка. Но представьте себе, мсье, что человек трудился во имя некой цели, работал не покладая рук, чтобы иметь возможность удалиться на покой и заняться тем, о чем всегда мечталось. И вот он обнаруживает, что тоскует о прежних трудовых буднях, о прежней работе, от которой, казалось ему, он был так рад избавиться.

– Да, – задумчиво сказал я, – по-моему, это частое явление. Взять, например, меня: год назад я получил наследство, которое давало мне возможность осуществить свою давнишнюю мечту. Я всегда стремился поглядеть на мир, попутешествовать. Наследство, как я сказал, получено год назад, а я все еще здесь.

– Цепи привычки, – кивнул наш сосед. – Мы трудимся, чтобы достичь некой цели, а достигнув ее, чувствуем, что нас тянет к прежнему труду. И заметьте, мсье, моя работа была интересна. Интереснейшая работа в мире.

– Да? – не без любопытства спросил я. Дух Каролины был силен во мне в эту минуту.

– Изучение природы человека, мсье!

Совершенно ясно – парикмахер на покое. Кому секреты человеческой природы открыты больше чем парикмахеру?

– И еще у меня был друг – друг, который много лет не разлучался со мной. Хотя его тупоумие иной раз меня просто пугало, он был очень дорог мне. Его наивность и прямолинейность были восхитительны! А возможность изумлять его, поражать моими талантами – как мне всего этого не хватает!

– Он умер? – спросил я сочувственно.

– О нет. Он живет и процветает, но – на другом полушарии. Он теперь в Аргентине.

– В Аргентине! – вздохнул я завистливо.

Я всегда мечтал побывать в Южной Америке. Я снова вздохнул и заметил, что мистер Порротт смотрит на меня с симпатией.

– Ну поскольку мы соседи, умоляю вас принять и презентовать вашей сестре мою лучшую тыкву.

Изящным движением он нырнул за забор и снова возник с гигантской тыквой в руках, которую я и принял с надлежащими изъявлениями благодарности.

– Поистине, – весело воскликнул он, – я не зря прожил это утро. Я познакомился с человеком, который напоминает мне моего далекого друга. Кстати, у меня к вам вопрос. Вы, вероятно, знакомы со всеми здешними жителями. Кто этот молодой человек с темными волосами, темными глазами и красивыми чертами лица? У него такая горделивая посадка головы, веселая улыбка.

Портрет не оставлял места для сомнений.

– Это, вероятно, капитан Ральф Пейтен, – ответил я.

– Но прежде я его здесь не видел.

– Да, он здесь давно не бывал. Он сын, то есть приемный сын, мастера Экройда из «Папоротников».

– Как я не догадался! – с досадой воскликнул мой собеседник. – Мистер Экройд столько раз говорил о нем.

– Вы знакомы с мистером Экройдом? – удивленно спросил я.

– Мы встречались в Лондоне. Я просил его ничего не говорить здесь о моей профессии. Я предпочитаю инкогнито.

– Понимаю, – сказал я. Меня позабавил его снобизм. Но маленький человечек улыбался невозмутимо и почти величественно.

– Я не гоняюсь за дешевой известностью. Я даже не стал исправлять местную версию моей фамилии.

– Ах, так! – сказал я несколько растерянно.

– Капитан Ральф Пейтен, – задумчиво продолжал мистер Порротт. – Он помолвлен с очаровательной мисс Флорой Экройд.

– Кто вам это сказал? – удивленно спросил я.

– Мистер Экройд. Неделью тому назад. Он был очень доволен, он давно желал этого, насколько я мог понять. Он даже несколько нажал на молодого человека. Что было неразумно. Молодые люди должны жениться по собственной склонности, а не по выбору своих отчимов, от которых они ждут наследства.

Я окончательно растерялся. Хотя Экройд – человек, готовый оказывать покровительство людям более низкого происхождения, все же он вряд ли стал бы откровенничать с парикмахером и обсуждать с ним брак своей племянницы. Я пришел к заключению, что едва ли Порротт – парикмахер. Чтобы скрыть смущение, я заговорил наугад:

– Почему вы обратили внимание на Ральфа Пейтена? Из-за его красивой внешности?

– Не только. Хотя он, конечно, красив, как греческий бог, по выражению

ваших великосветских романисток. Нет, в этом юноше есть что-то непонятное для меня.

Последние слова были сказаны задумчивым тоном и произвели на меня какое-то странное впечатление. Порротт словно бы взвешивал этого мальчика, исходя из чего-то мне неизвестного. В этот момент сестра окликнула меня, и я ушел под этим впечатлением.

Каролина была в шляпке и, видимо, только что вернулась с прогулки. Она начала без предисловий:

– Я встретила мистера Экройда и, разумеется, остановилась перекинуться словом, но он спешил. (Без сомнения, встреча с Каролиной для Экройда столь же неприятна, как и с мисс Ганнет. Даже, пожалуй, неприятнее, потому что от Каролины труднее отделаться). Я его сразу спросила о Ральфе. Он очень удивился – он не знал, что мальчик здесь. Он даже сказал, что я, верно, ошиблась. Я – представляешь!

– Смешно, – сказал я, – он должен бы лучше знать тебя.

– Тогда он сказал мне, что Ральф и Флора помолвлены.

– Я знаю, – перебил я со скромной гордостью.

– От кого?

– От нашего соседа.

Каролина преодолела искушение переменить тему и продолжала:

– Я сказала мистеру Экройду, что Ральф остановился в «Трех кабанах».

– Каролина, – сказал я, – тебе никогда не приходило в голову, что твоя манера все рассказывать может причинить много бед?

– Чепуха! – сказала моя сестра. – Люди должны все знать. Я считаю, что это мой долг. Мистер Экройд был мне очень благодарен. Он, по-моему, пошел прямо в «Три кабана», но Ральфа там не нашел, потому что, когда я возвращалась лесом...

– Лесом? – удивился я. Каролина имела совесть покраснеть.

– Такой чудесный день! Я решила прогуляться. Леса так прекрасны в их осеннем уборе!

Каролина не любит леса в любом уборе. Говорит, что там сыро и на голову сыплется всякая дрянь. Нет, в лес ее завлек инстинкт мангусты: это – единственное место в Кингз-Эббот, где можно поговорить с кем-нибудь, не боясь чужих ушей. Лес, кстати, граничит с «Папоротниками».

– Ну, словом, я шла лесом и слышала голоса... Один я сразу узнала – это был голос Ральфа Пейтена, а второй был женский. Конечно, я не собиралась подслушивать...

– Конечно, – вставил я саркастически.

– Но что мне было делать? – продолжала Каролина, не обращая внимания на мой сарказм.

– Женщина что-то сказала, я не расслышала – что, а Ральф ответил сердито: «Моя милая, разве неясно, что старик наверняка оставит меня без гроша. За последние годы я ему изрядно надоел. И теперь достаточно пустяка, чтобы все полетело к черту, а нам с тобой нужна звонкая монета. Я буду богат, когда старик окочурится. Он скаред, но денег у него куры не клюют. И я не хочу, чтобы он изменил свое завещание. Не надо волноваться и не надо вмешиваться, я все улажу». Это его подлинные слова. Я помню точно. К несчастью, в этот момент я наступила на сухой сучок, они сразу начали шептаться и ушли. Я, конечно, не могла бежать за ними и поэтому не знаю, с какой женщиной он был.

– Вот досада! – сказал я.

– Но ты, наверное, поспешила в «Три кабана», почувствовала себя дурно и прошла в буфет, чтобы убедиться, что обе официантки на месте?

– Это не официантка, – твердо сказала Каролина, – я бы сказала, что это Флора Экرويد, только...

– Только в этом нет никакого смысла, – dokonчил я. Моя сестра начала перебирать окрестных девушек, рассматривая все «за» и «против».

Воспользовавшись паузой, я бежал.

Я решил зайти в «Три кабана», так как Ральф, вероятно, уже вернулся. Я близко знал Ральфа. И понимал его лучше, чем кто-либо другой в Кингз-Эббот: я знал его мать, и мне было ясно многое, чего другие в нем не понимали. В некотором отношении он был жертвой наследственности. Он не унаследовал роковой склонности своей матери, но у него был слабый характер. Как справедливо заметил мой утренний знакомец, он был необычайно красив. Высокого роста и безукоризненного сложения, темноволосый, как и его мать, с красивым смуглым лицом и веселой улыбкой, Ральф Пейтен был рожден, чтобы очаровывать, что ему и удавалось легко. Легкомысленный, эгоистичный, он не отличался твердыми принципами, но тем не менее был на редкость общителен и имел преданных друзей. Обладал ли я влиянием на мальчика? Я полагал, что – да.

В «Трех кабанах» я прошел к нему в номер без доклада. На минуту я заколебался, вспомнив о том, что слышал и видел, но мои опасения оказались напрасными.

– Доктор Шеппард! Как приятно! – Он шагнул мне навстречу, протягивая руку. Улыбка осветила его лицо.

– Вы единственный человек в этом проклятом месте, кого я рад видеть.

– Чем провинилось это место? – поднял я брови.

– Долгая история.

– Он досадливо рассмеялся.

– Мои дела плохи, доктор. Можно предложить вам выпить?

– Безусловно.

Он позвонил, распорядился и бросился в кресло.

– Сказать правду, я черт знает как запутался. Не пойму, что и делать.

– А что случилось? – спросил я сочувственно.

– Мой отчим, черт его дери.

– Что же он сделал?

– Он еще ничего не сделал. Вопрос в том, что он сделает.

Официант принес заказ. Когда он ушел, Ральф некоторое время хмуро молчал, уйдя в кресло.

– Вы очень встревожены? – спросил я.

– Да. На сей раз мне придется довольно туго.

Необычная серьезность его тона убедила меня в том, что он говорит правду. Должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы Ральф стал серьезен.

– Если нужна моя помощь... – осторожно начал я. Но он решительно покачал головой:

– Вы очень добры, доктор, но я не имею права впутывать вас в эти дела. Я должен справиться с ними один.

И, помолчав, добавил слегка изменившимся голосом:

– Да, один.

4. Обед в «Папоротниках»

Около половины восьмого я позвонил у парадного входа в «Папоротники». Дверь с похвальной быстротой открыл дворецкий Паркер. Вечер был чудесный, и я пришел пешком. Пока Паркер помогал мне снять пальто, через холл прошел с пачкой бумаг секретарь Экройда Реймонд, очень приятный молодой человек.

– Добрый вечер, доктор. Вы к нам обедать? Или это профессиональный визит?

Последний вопрос был вызван моим черным чемоданчиком, который я поставил у вешалки.

Я объяснил, что одна из моих пациенток в интересном положении и моя помощь может понадобиться в любую минуту; поэтому я вышел из дома во всеоружии. Мистер Реймонд направился к кабинету Экройда. У двери он оглянулся:

– Проходите в гостиную. Дамы спустятся через минуту. Я передам эти бумаги мистеру Экройду и скажу ему, что вы пришли.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)